

Андре Моруа Отель «Танатос»

— Почем «Стальные»? — спросил Жан Монье.

— Пятьдесят девять с четвертью, — ответила одна из двенадцати машинисток.

Стук их машинок, сплетаясь, создавал джазовый ритм. В окно видны были небоскребы Манхэттена. Телефоны гудели, торопливо ползли бумажные ленты, на которых теснились буквы и цифры, и, зловеще извиваясь, наводняли помещение.

— Почем «Стальные»? — снова спросил Жан Монье.

— Пятьдесят девять, — ответила Гертруда Оуэн.

Она на минуту перестала стучать и взглянула на молодого француза. Тот сидел, откинувшись в кресле, закрыв лицо руками, и, казалось, был совершенно разбит.

«И этот тоже играл, — подумала она, — что ж, тем хуже для него — и тем хуже для Фанни...»

Жан Монье, доверенный нью-йоркского филиала банка Гольмана, два года назад женился на своей секретарше-американке.

— Почем «Кенникот»? — опять спросил Жан Монье.

— Двадцать восемь, — ответила Гертруда Оуэн.

За дверью послышался громкий голос. Вошел Гарри Купер. Жан Монье встал.

— Ну и денек на бирже! — воскликнул Купер. — Двадцать процентов понижения по всей котировке! И еще находятся дураки, которые твердят, что это не кризис!

— Самый настоящий кризис, — сказал Жан Монье и вышел.

— И этот влип, — заметил Гарри Купер.

— И еще как! — подхватила Гертруда Оуэн. — Спустил все до последней рубашки. Мне Фанни сама сказала. Она сегодня же вечером от него уйдет.

— Ничего не поделаешь, — заключил Гарри Купер. — Наступил кризис.

Вычурные бронзовые дверцы лифта раскрылись.

— Вниз, — сказал Жан Монье.

— Почем «Стальные»? — спросил лифтер.

— Пятьдесят девять, — ответил Жан Монье.

Он купил их по сто двенадцать: пятьдесят три доллара убытка на акцию. Со всеми прочими бумагами дело тоже обстояло не лучше. Небольшой капитал, сколоченный им в Аризоне, весь ушел на покрытие биржевых операций. У Фанни гроша за душой не было. Все кончено. Он вышел на улицу и, быстро шагая к станции метро, попытался представить свое будущее. Начать сначала? Если Фанни выкажет мужество, это не так уж неосуществимо. Он вспомнил первые этапы борьбы, огромные стада, которые он пас в прериях, свое быстрое возвышение. Ведь ему нет и тридцати! Но он знал, что Фанни будет безжалостна.

Он не ошибся.

Когда на другое утро Жан Монье проснулся в одиночестве, он окончательно пал духом. Несмотря на черствость Фанни, он ее любил. Негритянка, как всегда, подала ему ломтик дыни, овсяную кашу, затем попросила денег.

— Хозяйка где, мистер?

— Уехала на время.

Он дал ей пятнадцать долларов, после чего подсчитал свою наличность. Оказалось — без малого шестьдесят долларов. На эти деньги можно было прожить два, пожалуй, и три месяца... А потом? Он посмотрел в окно. Вот уже неделя, как в газетах почти ежедневно печатались сообщения о самоубийствах. Банкиры, маклеры, биржевые спекулянты предпочитали смерть продолжению уже проигранной битвы. Броситься с двадцатого этажа? Сколько секунд займет падение? Три? Четыре? И затем шмякнешься оземь. А что, если не умрешь сразу? Он вообразил жесточайшие страдания, раздробленные конечности, истерзанное тело. Вздыхнув, Монье сунул под мышку газету, пошел в ресторан завтракать и был удивлен тем, что оладьи, политые кленовым сиропом, все же показались ему вкусными.

— Отель «Танатос»¹, Нью-Мексико... От кого бы это? Какой у отправителя странный адрес!

Пришло еще и письмо от Гарри Купера: Жан Монье начал с него. Патрон спрашивал, почему он не является на службу, и уведомлял, что по его онкольному счету банку следует восемьсот девяносто три доллара. Как он намерен уладить это дело? Вопрос, подсказанный либо жестокостью, либо простодушием. Впрочем, простодушием Гарри Купер не грешил.

Жан Монье взялся за второе письмо. Под виньеткой с изображением трех кипарисов было написано:

Отель «Танатос»

Директор: Генри Берстекер

Глубокоуважаемый господин Монье, наше обращение к Вам сегодня — не случайность, а результат наблюдений, позволяющий надеяться, что наши услуги окажутся Вам полезными.

Вы, несомненно, заметили, что в жизни самого мужественного человека могут возникнуть обстоятельства настолько тягостные, что борьба становится непосильной и мысль о смерти представляется спасительной.

Закрывать глаза, уснуть, никогда уже не пробудиться, не слышать вопросов, упреков... Многие из нас тешили себя этой мечтой, лелеяли это желание... И, однако, за некоторыми весьма редкими исключениями, люди не держат избавиться от своих бедствий, и это становится понятным, когда наблюдаешь тех, кто пытался это сделать: ведь большинство покушений на самоубийство оказываются трагическими неудачами. Человек хотел пустить себе пулю в лоб — и достиг лишь того, что повредил зрительный нерв и ослеп. Другой, надеявшийся при помощи сильнодействующего снотворного, ничего не почувствовав, перейти в небытие, ошибся дозой и три дня спустя проснулся парализованный, с размягчением мозга, начисто утратив память. Лишить себя жизни — искусство, не терпящее посредственности и дилетантства, а вместе с тем, по самой его сути, усовершенствоваться в нем путем опыта невозможно.

Так вот, глубокоуважаемый господин Монье, если, как мы полагаем, эта проблема Вас интересует, мы готовы помочь Вам приобрести такой опыт. Имея в своем распоряжении отель на границе Соединенных Штатов и Мексики, в местности настолько уединенной, что никакой стеснительный надзор там невозможен, мы сочли своим долгом предоставить тем из наших собратьев, которые по серьезным и веским причинам желают уйти из жизни, возможность сделать это безболезненно, и, если дозволено так выразиться, не подвергаться никакому риску.

В отеле «Танатос» смерть застигает Вас во сне самым деликатным образом. Благодаря высокой технике, достигнутой за пятнадцать лет непрерывной успешной работы, (в истекшем году число наших клиентов превысило две тысячи), мы можем гарантировать точнейшую дозировку и немедленный

---

¹ Танатос — смерть (греч.).

результат. Добавим, что тех клиентов, у которых по религиозным мотивам возникают тягостные сомнения, мы искуснейшим образом освобождаем от всякой моральной ответственности за то, что случится.

Мы отлично знаем, что большинство наших клиентов располагают лишь ограниченными средствами и что число самоубийств обратно пропорционально цифрам погашения задолженности по банковским счетам. Поэтому мы старались без малейшего ущерба для комфорта снизить, насколько возможно, цены в «Танатосе»: Вам достаточно будет по прибытии внести в кассу отеля триста долларов. Эта сумма пойдет на покрытие всех издержек, связанных с Вашим пребыванием у нас (предполагаемая длительность которого должна остаться неизвестной Вам), на расходы, по самой процедуре, на похороны и, наконец, на содержание в должном порядке могилы. По весьма понятным причинам, сюда входит и все прочее обслуживание, в том числе чаевые.

Необходимо упомянуть, что отель «Танатос» расположен в живописнейшей местности, что у нас имеются четыре теннисных корта, плавательный бассейн и гольф на восемнадцать лунок. Поскольку наша клиентура состоит из лиц обоого пола, принадлежащих главным образом к избранному обществу, пребывание там чрезвычайно приятно, а своеобразие всей ситуации придает ему особую прелесть. Приезжающих просят выходить на станции Диминг, куда из отеля высылают автобус. Просьба письмом или телеграммой известить о своем прибытии самое меньшее за два дня. Телеграфный адрес: Танатос, Коронадо, Нью-Мексико.

Жан Монье взял колоду карт и принялся раскладывать пасьянс, которому его научила Фанни.

Ехать пришлось очень долго. Много часов подряд поезд мчался среди хлопковых полей, где над белой кипенью мелькали головы рабочих-негров. Затем сон и чтение попеременно заполнили еще два дня и две ночи. Наконец ландшафт стал гористым, величественно-пустым, фантастическим. Поезд мчался по дну глубокого ущелья, меж сказочно высоких гор, изборожденных огромными лиловыми, желтыми, красными полосами. Нескончаемой лентой стлались низкие облака. На маленьких станциях, где останавливался поезд, толпились мексиканцы в широких войлочных шляпах и в кожаных расшитых куртках.

— Следующая станция — Диминг, — сказал Жану негр-проводник спального вагона. — Почистить ботинки, масса?

Француз убрал свои книги и закрыл чемодан. Он дивился тому, каким простым оказалось для него последнее путешествие. Послышался шум горного потока. Завизжали тормоза. Поезд остановился.

— Вам в «Танатос», сэр? — спросил индеец-носильщик, бежавший вдоль вагонов.

На его тележке, уже лежали вещи двух юных белокурых девушек, шедших следом за ним.

«Неужели, — подумал Жан Монье, — эти очаровательные создания приехали сюда, чтобы умереть?»

Они тоже смотрели на него пристально, без улыбки, и едва слышно переговаривались.

Автобус отеля «Танатос» нимало не походил на погребальную колесницу, как этого можно было опасаться. Ярко-голубой, отделанный внутри в синих и оранжевых тонах, он блистал на солнце среди ветхих колымаг, придававших площади, где переругивались испанцы и индейцы, сходство с рынком металлолома. Скалистые горы по обеим сторонам пути поросли лишайником; он сплошным сизым налетом обволакивал камень. Еще выше ярко сверкали прожилки руды. Шофер был толстяк с глазами навыкате, одетый в серую форменную куртку. Жан Монье уселся рядом с ним — из скромности и чтобы не мешать своим спутницам; затем, пока машина головокружительно крутыми поворотами подымалась в гору, француз попытался завязать разговор с водителем.

— Давно вы шофером в «Танатосе»?

— Три года, — пробурчал тот.

— Странн у вас, по-видимому, служба.

— Странная? — огрызнулся толстяк. — Чем это? Я веду свою машину. Что тут странного?

— А случалось вам везти вниз тех, кого вы доставляете наверх?

— Не так уж часто, — ответил шофер, несколько смутившись. — Не так уж часто... Но бывает. Я сам тому пример.

— Вы! Правда? Вы приехали сюда на положении... клиента?

— Сэр, — сказал толстяк, — я поступил на эту службу, чтобы забыть о самом себе, и эти петли — опасная штука. А вам ведь все-таки не хочется, чтобы я угробил и вас, и этих милых девушек?

— Разумеется, нет, — ответил Жан Монье.

Затем у него мелькнула мысль, что его ответ смешон, и он улыбнулся.

Два часа спустя шофер молча указал ему на показавшееся над высокогорным плато здание отеля.

«Танатос» был выстроен в испано-индейском стиле: приземистое здание с плоскими крышами. Цементные стены в подражание глинобитным довольно грубо выкрашены в красный цвет. Комнаты выходили на юг, на залитые солнцем веранды. Навстречу путешественникам вышел портье-итальянец. При первом же взгляде на его бритое лицо Жану Монье вспомнилась какая-то другая страна, улицы какого-то большого города, бульвары в цвету.

— Где, черт возьми, я вас видел? — спросил он портье, когда коридорный взял его чемодан.

— В Барселоне, мсье, в отеле «Риц»... Моя фамилия— Саркони... Я уехал из Барселоны в начале революции...

— Из Барселоны — в Нью-Мексико! В такую даль!

— О мсье! Служба портье всюду одинакова... Разве что бланки, которые вам придется здесь заполнить, чуть посложнее, чем в других местах... Прошу прощения, мсье.

Действительно, в печатных бланках, врученных вновь прибывшим, было множество граф, вопросов и всякого рода примечаний. Рекомендовалось точнейшим образом указать место и дату рождения, а также лиц, которых надлежит известить в случае несчастья. Далее значилось: «Просьба указать не менее двух адресов родственников или друзей, а главное — переписать от руки на том языке, которым вы обычно пользуетесь, нижеследующее заявление:

Я, ..., будучи в здравом уме и твердой памяти, настоящим удостоверяю, что ухожу из жизни добровольно и что дирекция и персонал отеля «Танатос» не должны нести никакой ответственности за мою смерть.»

Сидя друг против друга за соседним столом, белокурые девушки старательно переписывали заявления. Жан Монье подметил, что они выбрали немецкий текст.

Генри М. Берстекер, директор отеля, — осанистый человек в золотых очках — гордился своим заведением.

— Отель принадлежит вам? — спросил его Жан Монье.

— Нет, мсье, отель принадлежит акционерной компании, но идея его создания возникла у меня, и я состою пожизненным директором.

— Как это вам удастся избегать неприятных осложнений с местными властями?

— Осложнений? — с удивлением и раздражением в голосе переспросил мистер Берстекер. — Но ведь мы не делаем ничего, мсье, что шло бы вразрез с обязанностями владельцев отелей. Мы доставляем нашим клиентам то, что они желают, все, что они желают, и ничего больше... Впрочем, мсье, здесь и нет местных властей, так как неизвестно, где именно в этом уголке земли проходит граница, и никто в точности не знает, принадлежит ли он Мексике или же Соединенным Штатам. Долгое время это нагорье слыло недоступным. По древнему поверью, сотни лет назад какое-то индейское племя собралось здесь, чтобы всем вместе умереть и таким образом избежать порабощения европейцами. Окрестные жители

были убеждены, что души умерших возбраняют живым селиться здесь. Вот почему мы смогли приобрести этот участок по сходной цене и обеспечить себе независимость.

— И семьи ваших клиентов никогда не возбуждают против вас судебного преследования?

— Против нас?! — негодуяще воскликнул мистер Берстекер. — Чего ради, великий боже! Да и какой суд станет нас судить? Семьи наших клиентов, мсье, бесконечно счастливы, когда в тиши негласно разрешаются дела щекотливые, более того — почти всегда весьма тягостные... Нет-нет, мсье, все происходит здесь по-хорошему, корректно, и к нашим клиентам мы относимся поистине дружески... Не угодно ли вам посмотреть вашу комнату?... Если вы не возражаете, мы поместим вас в номере 113... Вы не суеверны?

— Отнюдь нет, — ответил Жан Монье. — Но я получил религиозное воспитание и должен вам признаться — мысль о самоубийстве несколько смущает меня...

— Но о самоубийстве не может быть и речи, мсье! — заявил мистер Берстекер таким безапелляционным тоном, что его собеседник не решился настаивать.

— Саркони, проводите мсье Монье в номер 113. Что касается условленных трехсот долларов — будьте любезны, по пути занесите их в кассу: это рядом с моим кабинетом.

В номере 113, ярко освещенном чудесным закатом, Жан Монье тщетно искал признаки каких-либо смертоносных устройств.

— В котором часу ужин?

— В восемь тридцать, сэр, — ответил слуга.

— Нужно переодеться?

— Большинство джентльменов переодеваются, сэр.

— Ладно, переоденусь... приготовьте мне черный галстук и белую рубашку.

Действительно, когда Жан Монье спустился в холл, он увидел, что все женщины в декольтированных платьях, мужчины в смокингах. Мистер Берстекер с любезным, почтительным видом поспешил ему навстречу.

— А! Мсье Монье... Я вас искал... Вы здесь в одиночестве, и я подумал, что вам, пожалуй, приятно будет сидеть за столом с одной из наших клиенток, миссис Керби-Шоу.

Монье жестом выразил досаду.

— Я приехал сюда не ради светских развлечений, — сказал он. — Впрочем... Вы могли бы показать мне эту даму, не представив меня?

— Разумеется, мсье Монье... Миссис Керби-Шоу — та молодая женщина в белом креп-сатиновом платье, которая сидит возле рояля и перелистывает иллюстрированный журнал... Я не представляю себе, чтобы ее внешность могла не понравиться... Это никак невозможно. И она — особа очень приятная, воспитанная, образованная, понимающая толк в искусстве...

Бесспорно, миссис Керби-Шоу была очень красива. Темные небольшие локоны, красиво обрамлявшие высокий лоб, на затылке были собраны в пышный узел, глаза светились умом и добротой. Почему же, черт побери, такая прелестная женщина надумала умереть?

— Неужели миссис Керби-Шоу... Ну, словом, неужели эта дама — ваша клиентка и находится здесь на тех же основаниях, по тем же причинам, что и я?

— Несомненно, — отчеканил мистер Берстекер, вкладывая в это слово, казалось, какой-то особый смысл. — Несомненно.

— В таком случае представьте меня.

Когда ужин, не слишком роскошный, но отлично приготовленный и красиво сервированный, кончился, Жан Монье в самых существенных чертах уже ознакомился с жизнью Клары Керби-Шоу. Выйдя замуж за человека богатого и доброго, которого она никогда не любила, Клара Керби-Шоу полгода назад покинула его и уехала в Европу с молодым писателем, очаровательным циником, с которым познакомилась в Нью-Йорке. Клара думала, что он с радостью женится на ней, как только она получит развод, а на деле тотчас по приезде в Англию убедилась, что он решил избавиться от нее как можно скорее. Ошеломленная и оскорбленная такой жестокостью, она пыталась объяснить ему, какие жертвы принесла ради него и в каком ужасном положении окажется. Он расхохотался и сказал:

— Клара, вы невероятно старомодны! Знай я, что у вас взгляды викторианской эпохи, я оставил бы вас вашему супругу и вашим детям... Надо вернуться к ним, дорогая... Вы созданы для того, чтобы добродетельно воспитывать многочисленную семью.

Тогда она ухватилась за последнюю надежду — уговорить своего бывшего мужа Нормана Керби-Шоу возобновить совместную жизнь. Она была уверена: если бы ей удалось повидаться с ним наедине, она без труда вернула бы его любовь. Но Керби-Шоу, которого родные и компаньоны все время восстанавливали против Клары, был непреклонен. После нескольких унижительных и тщетных попыток увидеться с ним она однажды утром нашла среди своей корреспонденции письмо-рекламу «Танатоса» и поняла, что легко и быстро разрешить эту мучительную проблему она сможет только там.

— И вас не страшит смерть? — спросил Жан Монье.

— Разумеется, страшит... Но не так сильно, как жизнь...

— Какой прекрасный ответ! — воскликнул Жан Монье.

— Я не думала о том, какое он произведет впечатление, — ответила Клара. — А теперь скажите мне, почему вы очутились здесь?

Выслушав Монье, она резко его осудила.

— Это прямо-таки невероятно! — говорила она. — Как!.. Вы хотите умереть, потому что ваши акции упали в цене!.. Неужели вы не понимаете, что через год, два, самое большее три года, если только у вас хватит мужества жить, вы забудете об этих потерях и, возможно, с избытком возместите их?

— Денежные потери — всего лишь предлог. Они ровно ничего не значили бы, имей я какие-либо основания дорожить жизнью... Но ведь я сказал вам, что жена от меня ушла... Во Франции у меня уже нет родственников... Женщины, которая была бы мне дорога, я там тоже не оставил. Откровенно говоря, я и уехал-то в чужую страну из-за любовного разочарования... Ради кого мне теперь бороться?

— Ради себя самого... Ради тех, кто вас полюбит! Это непременно случится... Из-за того, что в тяжёлые дни близкие вам женщины оказались недостойными вас, вы не должны быть несправедливы ко всем остальным.

— Вы в самом деле думаете, что есть женщины... я хочу сказать... что я еще встречу женщину, которую смогу полюбить... и которая согласилась бы вести несколько лет жизнь, полную лишений и борьбы?

— Я в этом уверена, — ответила она. — Есть ведь женщины, которые любят борьбу и в бедности находят какую-то романтическую прелесть... Да вот, например, я сама...

— Вы? — спросил он с волнением в голосе.

— Ах... Я только хотела выразить...

Она запнулась и минуту спустя сказала:

— Мне кажется, нам пора вернуться в холл. Ведь ресторан уже совсем опустел, и метрдотель бродит вокруг нас с отчаянием на лице.

— Не думаете ли вы, — молвил он, набрасывая на плечи Клары Керби-Шоу горностаевую пелерину, — не думаете ли вы, что... уже сегодня ночью!

— О нет! — возразила она. — Вы ведь только сейчас приехали.

— А вы?

— Я здесь всего два дня.

Прежде чем проститься, они условились совершить утром прогулку в горы.

Косые лучи утреннего солнца заливали веранду ярким, теплым светом. Жан Монье, только что принявший ледяной душ, поймал себя на мысли: «Как хорошо жить!» — но тут же вспомнил, что впереди у него всего лишь несколько долларов и несколько дней. Вздохнув, он прошептал: «Десять часов... Клара, наверно, уже ждет меня».

Он быстро оделся: белоснежный полотняный костюм создавал ощущение легкости. После теннисного корта он встретился с Кларой Керби-Шоу. Также вся в белом, она прогуливалась по аллее в обществе обеих австрийских девушек. Увидев француза, они

убежали.

— Что это они? Боятся меня?

— Смушаются... Они поведали мне свою историю.

— Интересную?.. Вы мне ее расскажете, да?.. Вам удалось хоть немного поспать?

— Я отлично выпалась. Мне думается, этот страшноватый Берстекер ко всему, что мы пьем, примешивает хлоралгидрат.

— Вряд ли, — возразил Жан. — Я спал как сурок, но сон не был тяжелым, сегодня с утра у меня голова очень ясная...

Помолчав, он прибавил:

— И я очень счастлив.

Она посмотрела на него с улыбкой и ничего не ответила.

— Пойдемте этой тропинкой, — предложил он, — и вы мне расскажете историю австрийских девушек... Вы будете здесь моей Шехерезадой...

— Только наших ночей будет не тысяча и одна...

— Увы! *Наших* ночей...

Она перебила его.

— Эти девочки — близнецы. Они росли вместе — сначала в Вене, потом в Будапеште и были друг для друга всем на свете, подруг у них не было. В восемнадцать лет они познакомились с венгром, отпрыском древнего графского рода, прекрасным, как полубог, музыкальным, как цыган, и обе в тот же день без памяти влюбились в него. Спустя несколько месяцев он сделал предложение одной из сестер. Вторая, охваченная отчаянием, бросилась в воду, но ее спасли. После этого избранница графа Ники приняла решение отказаться от него, и у сестер возникла мысль умереть вместе... Именно тогда, подобно мне, подобно вам, они получили письмо-рекламу «Ганатоса».

— Какое безумие! — воскликнул Жан Монье. — Они молоды, прелестны... Почему бы им не поселиться в Америке, где другие мужчины будут помогать их любви?.. Несколько недель терпения...

— Сюда, — с грустью заметила она, — все попадают из-за отсутствия терпения... Но каждый из вас мудр, когда дело касается других... Кто это сказал, что у людей всегда хватает мужества переносить чужие несчастья?

В тот день люди, живущие в отеле «Ганатос», видели, как мужчина и женщина, оба в белом, бродили, горячо споря друг с другом, по аллеям парка, у подножия скал, вдоль ущелья. Когда стемнело, они повернули назад, к отелю, и садовник-мексиканец, разглядев, что они идут обнявшись, отвернулся.

После ужина Жан Монье весь вечер в маленькой безлюдной гостиной шептал на ухо Кларе Керби-Шоу слова, казалось, волновавшие молодую женщину. Затем, прежде чем подняться к себе, он разыскал мистера Берстекера. Директор сидел в своем кабинете, перед ним лежала толстая конторская книга в черном переплете. Мистер Берстекер проверял какие-то счета и время от времени красным карандашом решительно вычеркивал строку.

— Добрый вечер, мсье Монье! Могу ли я вам оказать какую-либо услугу?

— Да, мистер Берстекер... Во всяком случае, я на это надеюсь... То, что я хочу вам сказать, весьма удивит... Такая внезапная перемена... Но такова жизнь... Словом, я пришел сообщить вам, что изменил свое решение... Я уже не хочу умереть.

Мистер Берстекер в изумлении вскинул на него глаза.

— Вы это говорите всерьез, мсье Монье?

— Я знаю, — продолжал француз, — я вам покажусь непоследовательным, неустойчивым... Но разве не вполне естественно, что с изменением обстоятельств меняются и наши решения?.. Неделью назад, когда я получил ваше письмо, я был в полном отчаянии, совершенно одинок... Я думал, что бороться уже нет смысла... Сегодня все преобразилось... в сущности — благодаря вам, мистер Берстекер...

— Благодаря мне, мсье Монье?

— Да. Ведь это чудо совершила молодая женщина, напротив которой вы меня посадили

за столиком... Миссис Керби-Шоу очаровательна, мистер Берстекер.

— Я вам это говорил, мсье Монье.

— Очаровательна и способна на героические поступки... Я сказал ей всю правду о своих бедствиях, к она согласилась разделить их со мной... Вас это удивляет?

— Нисколько... Здесь мы привыкли к таким неожиданным развязкам... И я рад за вас, мсье Монье... Вы молоды, очень молоды...

— Итак, если вы не возражаете, мы вдвоем, миссис Керби-Шоу И я, уедем завтра в Диминг...

— Стало быть, миссис Керби-Шоу, как и вы, отказывается...

— Понятно — да... Впрочем, она сама сейчас подтвердит вам это... Остается только уладить еще один вопрос довольно щекотливого свойства... Триста долларов, которые я вам внес, — это почти все, что у меня было. Так вот, эти деньги навсегда перешли к владельцам «Танатоса» или же я могу, чтобы купить билеты для нас обоих, получить часть их обратно?

— Мы честные люди, мсье Монье. Мы никогда не взимаем платы за те услуги, которых не оказали. Завтра же утром касса сделает перерасчет: вы заплатите по двадцать долларов в день за полный пансион и обслуживание, а разницу вам вернут.

— Вы чрезвычайно любезны и щедры... Ах! Мистер Берстекер, как я вам признателен... Я вновь обрел счастье... Начну новую жизнь...

— Весь к вашим услугам, — сказал мистер Берстекер.

Он следил глазами за Жаном Монье, пока тот не исчез из виду. Затем нажал кнопку и сказал:

— Пришлите ко мне Саркони.

Спустя несколько минут портье явился.

— Вы меня звали, синьор директор?

— Да, Саркони... Нужно сегодня же вечером пустить газ в номер 113... Около двух часов ночи.

— Прикажете, синьор директор, до летала пустить сомниал?

— Вряд ли это нужно... Он хорошо будет спать... На сегодня это все, Саркони... А завтра на очереди девушки из семнадцатого, как было намечено...

Уходя, портье столкнулся в дверях с миссис Керби-Шоу.

— Войди, — сказал мистер Берстекер. — Я как раз хотел тебя вызвать. Твой клиент пришел объявить мне, что он уезжает.

— Мне кажется, я заслужила, чтобы меня похвалили. Я очень старалась.

— Да, ты быстро справилась... Я это учту.

— Стало быть, сегодня ночью?

— Сегодня ночью.

— Бедняга, — сказала миссис Керби-Шоу. — Он был так мил, романтичен...

— Все они романтичны, — отрезал Берстекер.

Она продолжала:

— Ты все-таки жесток. Ты уничтожаешь их именно в тот момент, когда они снова начинают любить жизнь.

— Жесток?.. Наоборот, в этом-то и заключается вся гуманность нашей системы... Его тревожили сомнения, связанные с религией... Я его избавлю от них.

Он заглянул в свою конторскую книгу.

— Завтра можешь отдохнуть... А послезавтра опять займешься вновь прибывающим... Тоже из банковских сфер, но на этот раз швед. И не так уж молод.

— Французик мне очень нравился, — мечтательно протянула она.

— Когда работаешь, разбирать не приходится, — сурово сказал директор. — Вот твои десять долларов и еще десять — премия.

— Благодарю, — сказала Клара Керби-Шоу и со вздохом положила деньги в сумочку.

Когда она вышла, мистер Берстекер взял красный карандаш и аккуратно, с помощью небольшой металлической линейки, вычеркнул в конторской книге некую фамилию.